

Д. А. ЧЕРНИЕНКО

**ИСТОРИК И ВРЕМЯ
(ИЗ НАУЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ
ПРОФЕССОРА В. Е. МАЙЕРА)**

С развитием микроисторических подходов личностно-ориентированные исследования становятся все более актуальными и востребованными, поскольку проблемы самоидентификации, стимулы профессиональной деятельности, мотивы принятия решения в той или иной ситуации являются не всегда очевидными, они часто «прочитываются» по контексту, порой по мимолетным репликам и редко обнаруживаются в специальных научных текстах.

В публикациях последних лет присутствует тезис о том, что сегодня есть все основания говорить о складывании особого направления — «персональной», или «биографической истории»¹. При этом реконструкция личной жизни, судеб людей, изучение формирования и развития их внутреннего мира, эмоционально-духовной сферы, различных следов деятельности одновременно является и средством познания социума, в котором они жили и работали.

Персональная история в качестве источников использует самые обширные материалы. Высокая познавательная ценность источников личного происхождения в исторической науке давно известна. Со временем на помощь истории пришли данные лингвистических исследований и психология. В результате письма стали рассматриваться не просто как источники информации, но и как своеобразный коммуникативный акт. Первостепенное внимание предлагается уделять не только целям, условиям, обстоятельствам написания письма, признанию получил и не менее важный фактор адресата. Появилась возможность воспринимать эпистолярный текст как письменную форму межличностного общения («эпистолярную речь»). Сама тяга к общению в определенной ситуации может быть более значимым мотивом письма, нежели решение каких-то конкретных вопросов.

¹ *Ретина Л. П.* Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Текст / Отв. ред. Е. А. Вишленкова. Казань, 2001. С. 344-345.

Можно вспомнить, что один из известных отечественных исследователей частных писем Н. Л. Степанов ещё в 1920-х гг. заметил, что дружеское письмо редко строится на однообразном материале, в его структуре обычно обнаруживается мозаика, пестрота разных тем, пластов материала и стиля, беспорядок и неожиданное сталкивание которых мотивировано именно разговорностью. Ни конструкция, ни стиль письма не развиваются в пределах какого-то одного ряда, поэтому единого жанра письма нет, есть отдельные группы писем, которые должны и рассматриваться отдельно².

В 2008 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Василия (Вильгельма) Евгеньевича Майера (1918–1985) — известного ученого-медиевиста, доктора исторических наук, профессора, многолетнего заведующего кафедрой всеобщей истории (1964–1985), одного из крупнейших специалистов советского периода по истории и культуре Германии XIV–XVI вв.³, автора более 60 научных работ по проблемам аграрных отношений, источникам, немецкой историографии. Исследования именно этой тематики определили заметную роль В. Е. Майера в отечественной исторической науке 1960–80-х гг.⁴

Более 40 лет жизнь В. Е. Майера была неразрывно связана с Удмуртским государственным университетом (до 1972 г. — Удмуртским государственным педагогическим институтом (УГПИ)). Однако научно-педагогическая деятельность В. Е. Майера выходила далеко за рамки Ижевска и Удмуртии. Он участвовал в крупных научных форумах (конференциях, симпозиумах, семинарах), солидных издательских проектах (например, «Хрестоматия по истории средних веков» (1963), «Проблемы генезиса капитализма» (1979), «История крестьянства в Европе» (1986), «Средние века»), неоднократно присутствовал на защитах диссертаций в качестве оппонента, писал рецензии на монографии и статьи, отзывы на авторефераты и т.д. Но,

² Степанов Н. Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза / Под ред. Б. Н. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. Л., 1926. С. 74-101.

³ См.: Майер В. Е. Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV — начале XVI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1954; Он же. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 1967.

⁴ Шишкина Н. Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века / Ин-т всеобщ. истории РАН. Вып. 67. М., 2006. С. 216-246.

не имея в силу известных обстоятельств⁵ возможностей для достаточно мобильного образа жизни, главной формой его социальной активности и общения с внешним миром оставалась переписка, которую сложно определить как исключительно научную, ее содержание гораздо шире и раскрывает различные стороны не только профессиональной деятельности, но и повседневной жизни.

Некоторое время назад семья В. Е. Майера передала в распоряжение кафедры истории древнего мира и средних веков УдГУ часть его личного архива, важным разделом которого (наряду с текущими рабочими документами) являются письма⁶. В. Е. Майер вел активную переписку с учеными Москвы, Ленинграда, Вологды, Казани, Саратова, Свердловска, а также Киева, Харькова, Одессы и др.

В нашем распоряжении имеется переписка с ведущими отечественными медиевистами: Ю. Л. Бессмертным (Москва), А. Д. Люблинской (Москва), Л. Т. Мильской (Москва), А. И. Неусыхинным (Москва), С. М. Стамом (Саратов), с коллегами-германистами М. М. Смириним (Москва), Ю. К. Некрасовым (Вологда), В. А. Ермолаевым (Саратов), а также Л. А. Дербовым (Саратов) и М. М. Ябровой (Саратов).

Важно принять во внимание, что, во-первых, переписка не является полной, и не все периоды жизни В. Е. Майера освещены равномерно; во-вторых, из двусторонней переписки сохранились либо собственноручные письма профессора, либо обращенные к нему, поэтому содержание недостающих звеньев можно лишь предполагать и реконструировать; в-третьих, часть писем сохранилась только в черновиках, поэтому вполне можно допустить, что они отличались от окончательных вариантов.

Большую часть архива представляет переписка В. Е. Майера со своим учителем, научным руководителем и многолетним консуль-

⁵ 7 июля 1941 г., студентом исторического факультета МГУ В. Е. Майер добровольцем ушел на фронт, но в январе 1942 г. как этнический немец и, следовательно, потенциально неблагонадежный «элемент», был отозван из Красной Армии и отправлен в Удмуртию, на Увинский лесопункт, в лагерь № 75 для немецких военнопленных в качестве переводчика и политинструктора. Именно здесь в Увинском педучилище он начал педагогическую работу и после окончания МГУ вернулся в Удмуртию, но до конца жизни оставался «невъездным».

⁶ В настоящей статье использованы материалы 32 писем.

тантом М. М. Смириним, профессором МГУ, научным сотрудником Института всеобщей истории АН СССР, специалистом по истории позднесредневековой Германии, Крестьянской войны и Реформации, ставшим в ходе длительного сотрудничества другом и, в какой-то степени, покровителем В. Е. Майера в столичных научных кругах. Переписка длилась более 25 лет (1951–1975 гг.) и позволяет проследить, как складывались отношения учителя и ученика, что их волновало, над чем они работали⁷. В этих письмах раскрывается не только процесс становления В. Е. Майера как медиевиста-германиста, но и особенности времени, те далеко не «тепличные» условия, в которых шла серьезная научная работа. Например, в письме от 17.02.1954 г. на вопрос М. М. Смиринина о его положении в институте В. Е. Майер ответил: «Теперь я выполняю массу поручений не всегда по назначению: за последний месяц читал в пяти местах лекцию о 300-летию воссоединения Украины с Россией, делал доклад на городской секции историков о проекте новой программы, участвую в предвыборной кампании, но все это отдых по сравнению с той работой, которая предстоит над диссертацией...».

В. Е. Майер переживал, по-видимому, определенный душевный разлад, вызванный, с одной стороны, желанием ставить и достигать новые высокие цели, чувствуя уверенность в собственных силах, а с другой стороны, понимая невозможность реализовать все задуманное в реальности (среди наиболее болезненных для него проблем чаще всего отмечаются удаленность от центральных библиотек, длительное ожидание заказанных книг, большая педагогическая нагрузка и недостаток времени для исследовательской работы, сложности в получении командировок, необходимость улаживать массу бюрократических формальностей для прикрепления к московским кафедрам). В письмах присутствует очевидная тяжесть личных и организационных проблем, но они оставляют всё же очень светлые впечатления. Даже став доктором наук, профессором В. Е. Майер оставался добросовестным учеником М. М. Смиринина, уважающим своего руководителя, учитывающим все его советы.

⁷ Полная подборка писем В. Е. Майера и М. М. Смиринина с комментариями опубликована: Научное наследие В. Е. Майера. Из переписки с учителем и другом // Историк и его дело. Серия памяти профессора В. Е. Майера. Вып. 6. Ижевск: УдГУ, 2007. С. 172-202.

В научной переписке с другими коллегами главными также были вопросы, связанные с научной специализацией В. Е. Майера — социально-экономической историей средневековой Германии, в том числе понимание противоречивости тенденций в аграрной сфере, дискуссии по поводу восприятия бюргерства как «класса» феодального общества, целесообразность использования для анализа материалов в широких хронологических рамках, обсуждение изданий источников и т.д. К Майеру, учитывая его доскональное знание языка не только изучаемой страны, но и изучаемой эпохи, нередко обращались за разъяснениями немецких научных терминов, понятий в источниках, за толкованием содержания вайстюмов⁸.

Переписка ясно демонстрирует те принципы организации научных исследований, на которых стояли В. Е. Майер и его коллеги.

Во-первых, желание преодолеть узкие границы научной специализации, что проявлялось в интересном сотрудничестве «аграрников» и «урбанистов», а также исследователей истории разных стран. Например, в письме от 14.01.1985 г. к В. Е. Майеру обратился С. М. Стам с предложением дать отзыв на докторскую диссертацию М. М. Ябровой⁹: «Хоть Вы и не британист, но вопросы истории средневекового города и проблема раннекапиталистического развития Вам не чужды, и Ваше слово в этой области весьма весомо».

Во-вторых, обязательное знакомство с зарубежным опытом (через рецензирование книг, статей), понимание важности его распространения среди советских историков. В 1977 г. В. Е. Майер готовил рецензию на книгу медиевиста из ГДР В. Мэгдефрау о средневековых городах Тюрингии. Саратовские коллеги горячо поддержали эту инициативу¹⁰. По этому поводу С. М. Стам, обращаясь

⁸ Вайстюмы (уставы) — записи обычного права общин-марок Германии, Швейцарии, Австрии, составлявшиеся на крестьянских собраниях. Приобрели массовый характер в XV–XVI вв. Отражают различные стороны деревенской жизни: структура хозяйства, права и обязанности, виды деятельности, торговля, промыслы, социальные отношения, быт, коллективные представления и т.д.

⁹ Диссертация защищена по книге: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI вв.). Саратов, 1983. 230 с.

¹⁰ Майер В. Е. [Рец. на кн.: Mägdefrau W. Der Thüringer Städtebund im Mittelalter. Weimar, 1976] // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. / Ред. Г. Д. Бурдей и др. Саратов, 1981. Вып. 6(9). С. 140-157.

21.11.1977 к В. Е. Майеру, так сформулировал свое отношение к дискуссионной теме: «Естественно, можно соглашаться или не соглашаться с пониманием бюргерства как класса феодального общества. Можно сказать, что вопрос этот, с Вашей точки зрения, еще требует дальнейшего исследования и осмысления, что едва ли то или иное его решение в настоящее время можно считать вполне бесспорным. Но — хорошо ли аргументировать тем, что у нас господствует иное воззрение? Ведь научные споры не решаются большинством голосов, и даже Коперник когда-то был в абсолютном меньшинстве. И, кто его знает, может быть у нас нет причин кичиться “состоянием дела у нас”. Может быть, историки ГДР в чем-то ошибаются, но они немало сказали и думали по этим вопросам. Мы же — только начинаем думать».

Конечно, в переписке речь шла не только о сугубо научных делах. Повседневные сюжеты также присутствуют в явном виде — в предельной вежливости и чуткости обращений, в постоянной заботе о здоровье друг друга, о делах в семье, о бытовых радостях, как например, новоселье В. Е. Майера в 1977 г., в теплых дружеских поздравлениях со всеми праздниками, в обмене приятными открытками, в рассказах о работе в университетах и институтах.

Важно заметить, что университетская тема проходит сквозной нитью через все эпистолярное наследие. В. Е. Майер нередко извинялся, что не может работать более интенсивно, поскольку не позволяют административные обязанности (имеется в виду помимо заведования кафедрой его многолетнее пребывание в должности декана и проректора по научной работе в 1960–70-х годах). В письме к М. М. Смирину от 04.11.1961 г. В. Е. Майер прямо признался: «К сожалению, у меня было мало времени, чтобы писать. Дело в том, что я уже четвертый год декан, и только в этом году меня обещали освободить от этой адской должности. Так что не думайте, что я не пишу, я пишу, но все могло бы идти быстрее...». На что тот отреагировал так: «По поводу Вашей административной работы я Вам очень сочувствую. Насколько я вас знаю, Вам больше подходит научно-исследовательский труд». Позднее, узнав о сложении Майером обязанностей проректора, в марте 1977 г. Л. Т. Мильская откровенно поздравила профессора: «Я не знала, что Вы уже стали свободным человеком. Рада за Вас. Мои административные обязанности не идут

ни в какое сравнение с Вашими, но и они делают собственную научную работу почти невозможной».

Общими проблемами, которые были хорошо понятны и заботили коллег-ученых из разных городов, являлись:

1) как правило, медленный выход печатной продукции, обусловленный неторопливостью работы издательства или типографии, либо даже нередким отсутствием бумаги;

2) излишний бюрократизм в научно-образовательной сфере. Показателен в этом отношении один случай. Речь шла о подготовке крупного научного симпозиума по аграрной истории в Ижевске¹¹. На плечи В. Е. Майера как главного инициатора его проведения легла вся тяжесть административной работы, чем он и поделился с С. М. Стамом, сетуя на некие инструкции министерства, требовавшие, как можно понять из письма, предоставить программу симпозиума в окончательном виде задолго до его начала, что было на практике неосуществимо. Стам согласился с этим: «Да, признаться, я не уверен, что живое научное дело можно вписать в строгий распорядок инструкции... Чрезмерная регламентация может только затруднить вашу работу и обеднить содержание симпозиума» (29.04.1978), и впоследствии просил выслать официальное приглашение на симпозиум в Ижевск как можно раньше, поскольку «бумага от ректора до истфака может идти и две недели»;

3) исследователей из провинции, возможно, тревожило и некоторое чувство дистанцированности. 21.04.1954 г. Майер отвечал Смирину на его замечание об излишней детализации историографических обзоров во вводной части кандидатской диссертации: «Вся беда в том, что когда пишешь в провинции на такую тему, то кажется, что необходимо побольше приводить примеров, говорящих о том, что ты именно читал и знаком с этими произведениями и концепциями. Много ошибок можно было бы сразу исправить, если бы своевременно консультироваться... Я все же боюсь, что открыл Америку, остается только ждать Вашего заключения по моим соображениям». Не случайно подобные настроения разделял и его саратовский коллега В. А. Ермолаев: «Мне в моей работе над Гейльб-

¹¹ Научный симпозиум по проблемам аграрной истории развитого социализма. Ижевск, 23-26 сентября 1979 г. См. его материалы: Аграрная история эпохи феодализма: Сб. науч. тр. / Редкол.: В. Е. Майер и др. Ижевск, 1983. 180 с.

ронской программой приходится полемизировать и с западными историками... и с весьма модернизаторскими стремлениями историков ГДР. И не с кем посоветоваться. Если бы был жив Моисей Менделевич, то он, несомненно, отнесся бы с интересом к моей работе, хотя, может быть, и не все одобрил бы. Вы — далеко, Стам, хотя и близко, но он не германист и он очень занят, чтобы вникать в мою тему. Вот и приходится «вариться в собственном соку» (15.03.1979).

В этой связи, обращает на себя внимание неутолимое желание В. Е. Майера быть в курсе процессов и тенденций в среде историков ГДР. И московские коллеги, как могли, поддерживали это стремление, по возможности сообщая о своих поездках, интересных книгах, сборниках, проектах сотрудничества, докладах немецких ученых в Москве. «...Я получил Ваше письмо после возвращения из ГДР, где принимал участие в Эрфуртской конференции, посвященной 450-летнему юбилею крестьянской войны. После конференции все участники совершили экскурсию в автобусе по Тюрингии, останавливались во всех местах, связанных с именем Томаса Мюнцера и его деятельностью. Было очень интересно... Доклад, сделанный мною на заключительном пленарном заседании, был на тему «Передовые идеи народной реформации». Отчет о конференции и сделанных на ней докладов будет напечатан в первых выпусках *«Zeitschrift für Geschichte»* за 1975 г. И в ближайшем выпуске нашего сборника “Средние века”... В ГДР историки очень интересуются Вашей монографией¹² и перспективой ее напечатания...», — делился своими новостями М. М. Смирин в письме 18.11.1974 г.

В научной переписке перед нами раскрывается особое интеллектуальное пространство сотворчества, поиска, внецензурной свободы слова. Любопытен факт для неформального общения историков марксистской, материалистической закалки: в небольшом письме из Саратовского университета 10.11.1978 г. речь шла о задержке с выходом очередного выпуска «Историографического сборника». Посетовав на крайне медленную работу типографии и другие причины, Л. А. Дербов высказывает надежду, что сборник будет выпущен не иначе как «с божьей помощью» и призывает В. Е. Майера набраться «ангельского терпения».

¹² Имеется в виду монография: *Майер В. Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил)*. Л., 1979. 168 с.

Обращает на себя внимание такое качество как отсутствие боязни собственных ошибок, и даже потребность признания в них перед своими коллегами. В письме от 15.05.1979 г. В. А. Ермолаев сокрушался: «Дела мои идут (вернее — тащатся) очень медленно. Только я выработал довольно стройную схему происхождения Гейльбронской программы и сопровождающих ее документов, как “*begriffen*” ее разбило. У меня была робкая надежда, что “*begriffen*” не есть “*verfallen*”, но Майер и Гримм¹³ ее тоже разбило. Теперь надо иначе все объяснять. Благодарю Вас за доскональное исследование этого слова. У меня было бы к Вам много вопросов, но я не хочу вас затруднять и буду надеяться на личную встречу, когда я Вас заброшаю вопросами. Вы сами прекрасно знаете язык, а длительное изучение *Weistümer* сделало Вас знатоком и *Mittelhochdeutsch*».

Нельзя не отметить чрезвычайно напряженный график работы ученых, большой объем обязательств перед студентами, издательствами, организаторами конференций. Такой интенсивный ритм жизни, а главное постоянное переживание за результаты, за качество работы действительно подтачивали здоровье и преждевременно обрывали судьбы ученых: «Дорогой М. М. Не заболели ли Вы?.. Становится грустно и не по себе, когда долго от Вас не бывает писем», — переживал В. Е. Майер в письме от 18.11.1961 г. Сам Майер активно работал до последних дней жизни, последняя корреспонденция к нему датирована январем 1985 г. (за месяц до кончины); в ней строятся новые планы, намечены перспективные исследования, желательные публикации. Наверное, символично, что оба ученых ушли из жизни практически за письменным столом.

Знакомство с перепиской приводит к пониманию того, что для В. Е. Майера было очень важно чувствовать себя востребованным, постоянно получать информацию, знать, что коллеги искренне интересуются его планами, новыми исследовательскими задумками, предстоящими публикациями. Репутация Майера в советском научном сообществе была действительно высока. Из множества компли-

¹³ Имеется в виду Якоб Гримм (1785–1863), один из двух знаменитых братьев-писателей, филологов, фольклористов. Я. Гримм собрал и опубликовал четыре тома вайстюмов. После его смерти вышло ещё два тома и один том справочных указателей. В. Е. Майер работал с репринтным изданием этих текстов: *Grimm J. Weistümer*. Berlin, 1957. Bd. 1-7.

ментов в его адрес, пожалуй, чаще всего речь идет о его отзывчивости на любые просьбы о помощи и сотрудничестве, а также пунктуальность (что можно, по-видимому, считать национальной чертой).

Предварительный обзор эпистолярного наследия профессора В. Е. Майера раскрывает перед нами сложный, многогранный мир в самом лучшем смысле этого слова «советской научной творческой интеллигенции», лишенной пресловутой ортодоксии, глубоко порядочной по отношению к коллегам даже в конфликтных ситуациях, трудных спорах, с постоянной готовностью к помощи¹⁴, с неподдельным интересом к успехам друг друга (выход книг, удачных статей и т.п.), фантастически работоспособной, увлеченной, преданной своему делу, ищущей, стремившейся достойно преодолевать возникавшие трудности. Как представляется, это те ценности, которые должны быть навечно вписаны в кодекс чести ученого и могут оставаться нравственным ориентиром для будущих поколений.

Нельзя не согласиться с супругой В. Е. Майера Б. П. Сысоевой-Майер: «Светлая бескорыстная дружба, большое уважение, взаимная забота, помощь и поддержка, требовательность и честность, тщательность в исследовании научных фактов наполняли жизнь этих людей глубоким смыслом, радостью творческого труда»¹⁵.

Обращение к сложным, глубоким, противоречивым, но чрезвычайно ценным и уникальным текстам личного происхождения и есть тот самый «диалог со временем», к которому, наверное, стремится каждый настоящий историк.

¹⁴ Л. Т. Мильская как член редколлегии «Средних веков» много работала с материалами В. Е. Майера, которые требовали частых перепечаток, так как содержали вписанные позднее немецкие термины и обильные сноски. Чаще всего эту работу выполняло, как и полагается, «машбюро». Но в особенно экстренных ситуациях или в случаях «капризов» секретарей Мильская перепечатывала статьи Майера собственноручно.

¹⁵ Научное наследие В. Е. Майера... С. 202.